

Елизавета Товкач

Когда остывает асфальт

Елизавета Товкач

Когда остывает асфальт

«Автор»

2026

Товкач Е.

Когда остывает асфальт / Е. Товкач — «Автор», 2026

"Когда остывает асфальт" - это история о том, что происходит, когда гул мегаполис стихает, и ты остаешься один на один со своими мыслями. Главный герой существует в бешеном ритме города, где нет времени на рефлексию, а прошлое погребено под слоем слоем серых будней.

© Товкач Е., 2026

© Автор, 2026

Елизавета Товкач

Когда остывает асфальт

«Асфальт никогда не остывает. Просто мы перестаем так быстро ехать и начинаем замечать тепло»

ПРОЛОГ

Асфальт не остывает никогда.

Мы думаем, что холодным его делает время. Или дождь. Или то, что по нему проехали тысячи шин, оставив чёрные полосы, похожие на морщины.

Но асфальт хранит температуру касаний.

Помнишь, как в детстве ты шла босиком в июле? Он обжигал пятки, и ты бежала к скамейке, смеясь. А в сентябре — он уже был просто серым. Ты говорила себе: «Остыл». Но нет. Просто ты надела обувь.

Эта книга — о том, как снимать обувь и чувствовать снова.

О мальчике, который умел ездить на мотоцикле со скоростью, стирающей границы, но боялся остыть сердцем. О девочке, которая коллекционировала звёздные карты, потому что на обычной карте её города не было ни одного места, где можно быть счастливой.

Их встреча пахла бензином и мятой.

Она длилась ровно столько, сколько нужно, чтобы понять: тёплый асфальт и холодный — это один и тот же асфальт. Просто иногда надо остановиться, присесть на корточки, приложить ладонь — и ждать.

Она обязательно прогреется.

Просто не сразу.

Корсунь — Владивосток

Май — август 2006

Расстояние, которое можно проехать за девять недель, или запомнить навсегда.

Бывают дни, когда мир сужается до полосы разметки.

До вибрации в руле, до белых линий, которые бегут под колёса со скоростью сто двадцать километров в час. Когда перестаёшь различать деревья — только зелёное месиво за плечом. Когда шлем трещит по швам от ветра и в голове одна мысль: «Главное — не заснуть».

Богдан не спал тридцать часов.

Он выехал из Рязани вчера утром, бросил ночевать на заправке под Тверью и снова погнал на запад. В кармане куртки — пять тысяч рублей и фотография отца. В баке — на двести километров. В голове — пустота, которая звенит, если прислушаться.

Он не знал, что ищет. Только слово на старой фотографии: *«Обсерватория. Псковская обл.»*.

И ещё одно слово, написанное женским почерком: «Прости».

Сзади мигнула дальним светом фура. Богдан прижался к обочине, пропуская её. Ветер качнул мотоцикл, и на секунду он увидел её — девушку на обочине.

Босую. В розовом платье с оторванным бантом. С лицом, перепачканным копотью, как будто она только что нырнула в камин.

Она махала ему? Или просто смотрела?

Он уже проскочил. Слишком поздно тормозить.

Мотоцикл вильнул, чиркнул подножкой об асфальт, высек искру. Богдан выругался сквозь зубы, развернулся в три приёма на узкой дороге и поехал назад.

Она не ушла. Стояла на том же месте, сжимая в руке... карту?

Он снял шлем, мотнул головой, откидывая волосы со лба.

— Ты чего на дороге стоишь? — спросил грубее, чем хотел.

Она не испугалась. Подняла на него глаза — тёмные, огромные, с каким-то странным спокойствием. И сказала:

— Жду.

— Кого?

— Не знаю, — она пожала плечом, и бант — уже оторванный — упал на асфальт. — Тебя, наверное.

Он хотел засмеяться, но почему-то не смог.

Ветер донёс запах тополей и бензина. Где-то вдалеке залаяла собака.

Асфальт под ногами — и её босыми, и его в потрёпанных берцах — был ещё тёплым, хотя солнце уже садилось.

— Ты кто? — спросил Богдан.

— Милена, — просто ответила она. — А ты?

Он посмотрел на неё долго. На разбитую коленку. На карту, которую она так и не убрала. На то, как ветер играет её непослушными волосами.

И вдруг почувствовал, что тридцать часов бессонницы исчезли. Вместо них — странное, незнакомое: желание остановиться.

— Богдан, — сказал он. — И я, кажется, заблудился.

Она улыбнулась краем губ.

— Значит, по пути.

Это была самая неправильная встреча из всех возможных. Без логики, без плана, без обратного билета.

Но иногда самое правильное начинается именно так.

Ночью, на трассе, между нигде и никем.

Когда асфальт под колёсами становится теплее.

Глава 1. Птица в клетке

Корсунь, май 2006 года

Запах выпускного — это запах синтетической органзы, маминых духов «Красная Москва» и страха. Милена поняла это в тот момент, когда вдохнула полной грудью, стоя перед трюмо, и чуть не закашлялась.

— Не вертись, — мать поправила на ней лямку платья. — Стоило мне отдать половину зарплаты за эту ткань, чтобы ты выглядела как пугало?

Милена опустила глаза. Платье было цвета пыльной розы, с бантом на поясе, который делал её похожей на подарочную коробку, перетянутую слишком туго. Она хотела простое чёрное, с открытой спиной. Мать сказала: «В чёрном только на похороны ходят, Ленка. Или по вызову».

— Я не хочу на выпускной, — тихо сказала Милена.

— А кто тебя спрашивает? — мать заколола ей непослушную прядь шпилькой. — Миша придёт. Весь в белом, между прочим. Мальчик из хорошей семьи, зубной врач. Не позорь меня.

Миша-стоматолог. Милена мысленно перебрала его образ: очки в тонкой оправе, крошки на свитере, руки, которые пахнут новокаином. Он нёс ей букет в прошлое воскресенье — герберы, которые уже через час повисли головами вниз. «Это символично», — подумала тогда Милена, но не сказала. Она вообще мало что говорила вслух в последние годы.

Мать вышла из комнаты, оставив дверь открытой. Из коридора пахло жареной картошкой — готовили поминки по соседу дяде Вите, который умер от сердечного приступа в пятьдесят три. «Наш возраст», — почему-то подумала Милена, хотя ей было восемнадцать.

Она подошла к окну. Корсунь спал вечерним майским сном: серые пятиэтажки, тополиный пух, который ещё не полетел, но уже щекотал ноздри, детская площадка с одним уцелевшим качелями. На лавочке сидела пьяная тётя Зина и кормила голубей чёрствым батоном.

Милена знала каждую трещину на асфальте этого двора. Значит, это было не «знать», а «застрять».

Она подошла к шкафу, открыла дверцу. С нижней полки, из-под стопки маминых журналов «Работница», она достала карту.

Звёздное небо. 1970 год. Масштаб: 1: 1000000. Бумага пожелтела по краям, но линии созвездий были чёткими, почти живыми. Милена нашла её на чердаке прошлым летом, когда помогала отчиму чинить крышу. Карта лежала в железной коробке из-под печенья, присыпанная голубиным помётом и временем.

На обороте была надпись. Шариковая ручка, синие чернила, выцветшие, но разборчивые:

«Там, где я счастлив, А.»

Милена провела пальцем по этой букве. «А» — не её отец. Её отца звали Антон. Антон Сергеевич Горелов, астроном, пропал без вести в экспедиции под Псковом, когда Лене было шесть. Мать не плакала на похоронах, потому что тела не нашли. Вместо этого она убрала все фотографии с отцом в дальний ящик и через год вышла замуж за дядю Витю — не того, что умер недавно, а другого, живучего, который работал на мясокомбинате и не задавал вопросов.

Милена хранила карту два года. Никому не показывала.

Она смотрела на неё и думала: где-то там, на этой схеме с точками, есть место, где человек — конкретный, живой, с руками, которые пахли звёздной пылью, — был счастлив. Просто счастлив. Без бантов, без «Красной Москвы», без соседей, которые умирают в пятьдесят три.

— Милена! — мать заглянула в комнату. — К тебе Миша пришёл. Спускайся. И убери эту рухлядь, на тебе лица нет, когда на неё смотришь.

Милена быстро сложила карту и сунула её обратно под «Работницу». Накинула кардиган поверх розового банта и вышла в коридор.

Миша стоял в прихожей, прижимая к груди букет. На этот раз — гладиолусы. Огненно-красные, как пожарная машина. Он протянул их, улынувшись во все тридцать два запломбированных зуба.

— Лен, ты прекрасна, — сказал он так, как будто читал по бумажке.

— Спасибо, — ответила она и поняла, что врёт. Не про «спасибо» — про то, что вообще надела это платье.

Вечер тянулся как жеванный карамельный ириска. Школа пахла мокрыми тряпками и дешёвым шампанским. Классная руководительница Ольга Борисовна плакала, перечисляя свои заслуги. Мальчики в дешёвых костюмах топтались у стенки. Девочки в одинаковых причёсках «короной» щебетали про институты и женихов.

Милена стояла у окна, смотрела на парковку и пила «Буратино» из пластикового стакана. Миша ушёл курить с одноклассниками — у него была привычка закуривать, когда он нервничал, а потом долго жевать мятную жвачку, чтобы никто не узнал.

— Горелова, ты чего такая кислая? — подошла к ней одноклассница Ирка Кузнецова, уже на втором стакане шампанского. — Жених вон какой видный. Стоматолог! Зубы будет лепить бесплатно.

— Моим зубам ничего не нужно, — сказала Милена.

— Чудачка ты, — Ирка пожала плечами и уплыла в толпу.

В десять вечера она сбежала. Миша остался допивать шампанское с завучами. Милена вышла на крыльцо, скинула туфли на каблуке (они натирали уже после первой перемены) и побрела босиком по асфальту.

Город был тихим. Только где-то далеко лаяла собака, да из открытого окна «ВАЗа-2106» играла «Руки Вверх!». Тополиный пух ещё не летел, но уже кружился в воздухе отдельными ленивыми снежинками.

Она дошла до своего подъезда, но не зашла. Вместо этого свернула во дворы, прошла мимо качелей, мимо гаража дяди Васи, мимо мусорных баков, от которых несло кислым. И остановилась у старой трансформаторной будки.

Здесь, за железной дверью без замка, была её комната.

Никто не знал. Даже мать.

Внутри пахло ржавчиной и сухой травой. Милена притащила сюда старый матрас, плед, книжную полку, которую выбросили соседи, и — самое главное — старый проигрыватель кассет. Она зажгла свечу, поставила «Альянс» — «На заре». Шипело, трещало, но голос певицы пробивался сквозь помехи, как через толщу воды.

Милена села на матрас, поджав босые ноги. Розовый бант мешал дышать. Она расстегнула его и отбросила в угол.

— Там, где я счастлив, — прошептала она, глядя на пыльный пол.

Она не знала, как выглядит это «там». Но она знала, что здесь, в Корсуни, его точно нет.

На следующее утро Милена проснулась от запаха бензина.

Она шла домой через дворы, когда услышала звук — низкий, грудной, похожий на рык проснувшегося зверя. Двор был пуст, только воробьи купались в луже.

А потом из-за угла вылетел мотоцикл.

Чёрный, низкий, спортивный. Он не ехал — он стелился над асфальтом, как нож по маслу. Парень за рулём был в кожанке, без шлема. Ветер трепал его русые волосы, на скуле блестела свежая ссадина.

Мотоцикл вильнул, объезжая яму, и встал в десяти метрах от Лены. Двигатель урчал на холостых, как рассерженный кот.

Парень снял очки, посмотрел на неё. Глаза — светло-серые, с прищуром, как у человека, который слишком долго смотрел на солнце.

— Заправка где? — спросил он. Голос хриплый, будто прокуренный, хотя пахло от него только мятой и дорогой.

— Там, — Милена махнула рукой в сторону центра. — За хлебозаводом.

— Ты местная?

— Да.

Он окинул её взглядом: босая, вчерашнее платье с оторванным бантом, под глазом — полоска копоти от свечи.

— У тебя лицо грязное, — сказал он без насмешки. Просто констатировал.

Милена машинально потерла щеку. Свечная копоть размазалась ещё сильнее.

— А у тебя — разбитое, — ответила она.

Он усмехнулся. Достал пачку сигарет, закурил, не предлагая ей. Сделал глубокую затяжку, выпустил дым в сторону тополей.

— Как называется ваш городишко? — спросил он.

— Корсунь.

— Корсунь, — повторил он, пробуя на вкус. — Звучит как название болезни.

— А ты сам откуда? — спросила Милена.

Он посмотрел на неё долго, со странным выражением — будто решал, стоит ли отвечать.

— Ниоткуда, — сказал наконец. И добавил, бросив окурок в лужу: — Пока.

Мотоцикл взревел, окатив её волной горячего воздуха, и сорвался с места. Через три секунды его уже не было — только сизый выхлоп и запах.

Милена стояла и смотрела на пустую дорогу. Сердце стучало где-то в горле.

Она не знала, кто это был. Она не знала, зачем он приехал в Корсунь. Но почему-то, когда он уехал, асфальт под босыми ногами показался ей теплее, чем обычно.

Дома мать уже приготовила завтрак: овсяная каша, бутерброд с сыром, стакан молока. Миша звонил три раза. Милена не перезвонила.

Вместо этого она залезла под кровать, достала железную коробку из-под печенья, открыла её и вынула звёздную карту.

«Там, где я счастлив, А.»

Милена провела пальцем по букве, потом перевела взгляд на окно. За стеклом всё тот же двор, та же пьяная тётя Зина, тот же серый горизонт.

И ни одного мотоцикла.

Она вдруг подумала: а что, если счастье — это не место на карте? Что, если это просто момент, когда кто-то смотрит на тебя и видит не розовый бант и не Мишу-стоматолога, а просто — грязное лицо и босые ноги — и останавливается?

Милена улыбнулась своим мыслям. Глупости.

Она положила карту обратно и пошла мыть посуду.

Но до вечера в голове звучал тот звук — низкий, грудной, похожий на рык проснувшегося зверя.

Глава 2. Мотель «Прибой»

Корсунь, та же ночь

Богдан не любил маленькие города.

В них всегда слишком тихо. Тишина здесь не расслабляет, как в лесу или в горах. Она давит. Слышно, как тикают часы на заправке, как скрипит вывеска, как кто-то на втором этаже соседнего дома включает воду — и вода идёт по трубам с таким звуком, будто внутри стен живёт больное животное.

Мотель «Прибой» оказался именно таким местом.

Двухэтажное здание из серого кирпича, с неоном, у которого перегорели две буквы. Должно было быть «Прибой», а светилось «Пибой». Богдан представил вывеску на ночном шоссе и усмехнулся. *«Добро пожаловать в Пибой, лучший город вашей жизни».*

Номер стоил четыреста рублей. Запах — бесплатно. Смесь сырости, старых сигарет и дешёвого стирального порошка, которым здесь явно пытались, но не смогли перебить всё остальное.

Богдан скинул кожанку на спинку стула, стянул футболку и посмотрел на себя в мутное зеркало над раковиной.

Ссадина на скуле уже начала затягиваться коркой. Под левым ребром — синяк размером с кулак. На костяшках пальцев — стёртая кожа.

«Красавец», — подумал он. — «Мама бы гордилась».

Мать не гордилась. Она вообще не знала, где он. Если бы знала — позвонила бы. Но не звонила уже три года. С тех пор, как он сказал ей: *«Я не поступлю в институт. Я вообще не хочу ничего, кроме этого мотоцикла».*

Она тогда заплакала. Не громко — тихо, как будто ей было стыдно за свои слёзы. Богдан помнил, как стоял в дверях, сжимая в руке ключи от *Suzuki*, и смотрел, как она вытирает щёки краем фартука.

— Ты похож на него, — сказала она. — На отца.

Это было самое страшное, что она могла сказать.

Он не ответил. Просто повернулся и ушёл. Хлопнул дверью так, что задребезжали стёкла на кухне. А потом два года не приезжал даже на Новый год.

Сейчас, стоя перед мутным зеркалом в мотеле «Пибой», он думал: а она вообще жива? Или уже поставила свечку в церкви за упокой его души? Иронично было бы, если бы она молилась за него, пока он глотает пыль на трассах и спит под открытым небом.

Богдан отвернулся от зеркала, достал из рюкзака фотографию.

Отец. Молодой, лет двадцати пяти, с растрёпанными волосами и смешливыми глазами. Стоит на фоне купола телескопа, в руках — чашка с облупившейся эмалью. Надпись на обороте: *«Псковская обл. 1982. Перед самой тьмой».*

«Перед самой тьмой». Богдан перечитал эту фразу раз десять за последние сутки. Что это значило? Перед ночью? Перед смертью? Перед тем, как он решил исчезнуть из их жизни?

Отец ушёл, когда Богдану было девять. Не умер — просто ушёл. Сказал матери: *«Мне нужно найти одно место. Я вернусь».* Не вернулся. Через полгода пришло письмо из какой-то обсерватории: *«Ваш муж пропал без вести в окрестностях Псковской области. Поиски результатов не дали».*

Мать не плакала на поминках, которых не было. Она вырезала все фотографии отца из семейного альбома. Аккуратно, ножницами по контуру. Оставила только одну — где он стоит спиной к камере, держит на плечах маленького Богдана, и не видно лица.

Богдан долго смотрел на эту спину. Думал: если бы он повернулся, что бы я там увидел? Улыбку? Усталость? Желание бежать?

А потом, в пятнадцать лет, он нашёл эту фотографию — ту, что сейчас держал в руках. С лицом. Она лежала в старой книге по астрономии, которую мать не заметила на полке.

Он смотрел на смеющиеся глаза отца и впервые за шесть лет заплакал.

С тех пор фотография всегда была с ним. В кармане куртки, в рюкзаке, под подушкой в мотелях. Богдан ненавидел себя за эту сентиментальность, но выбросить не мог.

— Где ты, старик? — прошептал он, глядя на пожелтевшее фото. — Живой? Или это всё — зря?

Ответа не было. Вместо него — гул мотоцикла, который затихал во дворе. Сосед по мотелю вернулся. Богдан машинально выглянул в окно.

И замер.

Во дворе, под единственным фонарём, стоял чёрный «Урал» с коляской. Старый, облезлый, но ухоженный. На бензобаке — наклейка с силуэтом медведя.

Сзади на сиденье — шлем. Розовый, с большими кошачьими ушами.

Богдан фыркнул. «Клоуны», — подумал он. И тут же поправил себя. Не «клоуны». «Местные». Всё равно.

Он лёг на скрипучую кровать, закинул руки за голову и уставился в потолок. Там, в углу, расплзлось сырое пятно, похожее на карту материка.

Перед закрытыми глазами возникло лицо.

Девушка с босыми ногами. Розовое платье. Копоть на щеке. И эти глаза — тёмные, огромные, с каким-то странным спокойствием, как будто она видела его насквозь и ничего не боялась.

«Жду», — сказала она.

«Не знаю. Тебя, наверное».

Богдан поморщился. Глупость. Случайная встреча на пустыре, девчонка, которая явно сбежала с собственного выпускного. Что в ней такого? Ничего. Обычная провинциальная романтическая дурочка, которая скоро выйдет замуж за местного стоматолога, нарожает детей и будет вспоминать «странного парня на мотоцикле» в качестве пикантной детали своей скучной биографии.

Но почему тогда он не может выбросить её из головы?

Потому что тридцать часов без сна. Потому что одиночество. Потому что любой живой человек начинает казаться значимым, когда вокруг только дорога и ветер.

Богдан перевернулся на бок, сжал подушку.

— Спи, идиот, — сказал он сам себе. — Завтра на заправку. И дальше.

Он закрыл глаза. Где-то за стеной кашлял сосед — тот, с «Уралом». Тикали часы на ресепшине. Вода в трубах утихла.

Богдан провалился в сон без сновидений. Только под веками — всё та же полоса белой разметки, убегаящая в никуда.

Он проснулся от того, что кто-то скребет в дверь.

Светало. Серый, водянистый свет сочился сквозь занавески, делая номер похожим на дно аквариума. Богдан посмотрел на часы — половина пятого утра.

Скрёб повторился. Теперь отчётливее.

— Кого там принесло? — хрипло спросил он, садясь на кровати.

Молчание. Потом тихий, почти шёпот:

— Откройте, пожалуйста.

Голос — женский. Молодой.

Богдан встал, натянул джинсы поверх боксеров, подошёл к двери. Приоткрыл на цепочку.

В щели — девушка.

Вчерашняя. Босая. Всё в том же розовом платье, но теперь на плечах — мужская куртка, явно не её, большая, до колен. На лице — следы недавних слёз.

Глаза красные, но не заплаканные. Уже — спокойные. Почти спокойные.

— Ты? — удивился Богдан. — Как ты меня нашла?

— Мотель один в городе, — сказала она. — И ты единственный на чёрном Suzuki. Спросила у мужика на ресепшине, он показал.

— Зачем?

Девушка помолчала. Потом вытащила из-за пазухи свёрнутую в трубочку карту. Звёздную. Ту самую, что он заметил вчера у неё в руках.

— У тебя есть компас? — спросила она.

— Чего?

— Компас. Или GPS. Или просто спички, чтобы развести огонь. Я хочу показать тебе кое-что.

Богдан посмотрел на неё как на сумасшедшую. Полпятого утра. Девушка в розовом платье и мужской куртке предлагает ему идти в лес смотреть звёздную карту.

В любой нормальной ситуации он послал бы её. Или закрыл дверь. Или рассмеялся.

Но он посмотрел на её руки — они дрожали. Не от холода — от чего-то другого. От отчаяния, которое она пыталась спрятать за маской спокойствия.

И вдруг вспомнил себя в девять лет. Стоящего у закрытой двери отцовского кабинета. С картой звёздного неба, которую отец подарил на день рождения.

«Когда будет совсем грустно, посмотри на эту карту, сын. Там все звёзды на своих местах. И ты — тоже на своём».

Богдан молча снял цепочку, открыл дверь шире.

— Заходи, — сказал он. — Восемь минут. Потом я уезжаю.

Девушка перешагнула порог. Пахло от неё тополями и, почему-то, корицей.

Она села на единственный стул, положила карту на колени и посмотрела на Богдана. В упор. Без страха.

— Меня зовут Милена, — сказала она так, будто представлялась во второй раз. Будто вчерашнее знакомство не в счёт. — Милена Горелова. Мой отец — астроном. Он пропал десять лет назад. Я думаю, в том же месте, куда ты едешь.

Богдан замер.

— Откуда ты знаешь, куда я еду?

— Потому что у тебя такая же карта, как у меня, — Милена развернула свой свёрток. — Только твоя — часть моей. Посмотри.

Она разложила карту на полу. Богдан опустился рядом на корточки.

Лина созвездий. Координаты. Мелкие пометки синими чернилами.

И в правом нижнем углу — надпись. Те же чернила, тот же почерк, что на его фотографии.

«Там, где я счастлив, А.»

Богдан перевёл взгляд с карты на девушку. На её босые ступни в пыли. На дрожащие пальцы, сжимающие край куртки.

— А. — сказал он тихо. — Антон?

Она кивнула. И в первый раз за всё время, пока стояла в дверях, её губы дрогнули в улыбке — печальной, почти просящей.

— Твой отец пропал в той же экспедиции, да? — спросила она. — Я видела фотографии. Ты похож на него. Очень.

Богдан хотел сказать: «Отвали, не лезь». Хотел встать, выпроводить её, хлопнуть дверью. Забыть.

Вместо этого он сел на пол, скрестив ноги, и спросил:

— Кофе хочешь?

Милена удивилась. Потом кивнула.

— Хочу.

Он встал, достал из рюкзака газовую горелку, маленький котелок и пачку растворимого кофе. Кинул туда три ложки на двоих — чтобы горчило и не чувствовалось дешевизны.

Пока закипала вода, они молчали. За окном серело. Сосед с «Уралом» закашлял за стеной и снова затих.

Богдан подал ей кружку — пластмассовую, облупленную, из тех, что продают на заправках. Милена взяла обеими руками, поднесла к лицу, вдохнула пар.

— Рассказывай, — сказал он, садясь напротив.

И она начала.

Тихо. Путаясь в датах, иногда замолкая на полуслове и глядя в окно, как будто боялась, что кто-то услышит. Про чердак. Про железную коробку из-под печенья. Про мать, которая вырезала все фотографии. Про карту, которую она прятала два года, потому что боялась, что это единственное, что осталось от отца.

— Я не знаю, куда он делся, — закончила Милена. — Но я знаю, что эту карту он рисовал для меня. Я хочу найти то место. Не чтобы проститься. Просто — понять. Понимаешь?

Богдан кивнул. Понимал. Лучше, чем она думала.

Он поставил свою кружку, взял её карту и свою, приложил край к краю. Линии сошлись. Звёздная сетка стала единой.

— Обсерватория, — сказал он, проведя пальцем по пересечению координат. — Зброшенная. Где-то под Псковом, в лесах. Туда я и еду.

— Тогда возьми меня с собой, — сказала Милена.

Она не умоляла. Не просила. Сказала как факт: возьми меня с собой.

Богдан усмехнулся:

— Ты что, с ума сошла? У тебя выпускной. Родители. Жених этот, с герберами.

— Гладиолусами, — поправила она.

— Какая разница.

— Большая. Герберы дарят, когда хотят извиниться. Гладиолусы — когда хотят показать, что могут себе позволить букет из гладиолусов.

Богдан посмотрел на неё с новым интересом. Не просто романтическая дурочка. Со стержнем.

— И что ты ему скажешь? — спросил он. — Мише-стоматологу.

— Ничего, — Милена допила кофе, поставила кружку на пол. — Он не заметит. Он вообще ничего не замечает, кроме налёта на чужих зубах.

— А мать?

— Мать привыкнет. Она привыкала и не к такому.

Она встала. Подошла к окну, посмотрела на светлеющую улицу.

— Я всю жизнь делаю то, что от меня ждут, — сказала она, не оборачиваясь. — Хорошие оценки. Тихий голос. Правильное платье. Правильный мальчик. Знаешь, что я получила за это? Скуку. И одну звёздную карту, которая пылится под кроватью.

Она повернулась.

— Я не хочу больше пылиться.

Богдан молчал. Смотрел на неё — на босые ноги, на растрёпанные волосы, на мужскую куртку, которая была явно украдена из чужого шкафа. И думал: «Она реально это сделает. Сядет на мотоцикл с незнакомым парнем и поедет искать призрака».

Это было безумие. Чистое, незамутнённое безумие.

Но, чёрт возьми, он узнавал в ней себя.

— У меня нет пассажирского шлема, — сказал он наконец.

— Наймёшь, — ответила Милена.

— У меня нет денег на второй завтрак.

— Я принесу бутерброды.

— Тебя будут искать. Полиция. Тревога.

— Я оставлю записку, что уехала к бабушке. Бабушка живёт в Саратове, мать туда никогда не звонит.

Богдан потёр переносицу. Усталость давила на затылок, но в груди разгоралось что-то тёплое, незнакомое. Жажда приключений? Глупость молодости? Или просто — давно ему не было с кем пить кофе на рассвете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.